

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Письмо от Лиды осталось недочитанным. Игнорировать артобстрел с каждой минутой становилось все труднее. Снаряд угодил в ложбину между траншеями, поднял тучу дыма, забросал засохшей глиной и посеял крупные сомнения в незначительности этой полуденной «разминки». Гремело повсюду. Командир взвода полковой разведки Глеб Шубин сполз по бревнам наката и сунул в карман скомканный лист. Хотелось дочитать, но, видно, не судьба.

Немцы били по навесной траектории через разреженный сосняк. Вступила в бой минометная батарея — видно, решили окончательно измотать нервы красноармейцам. Мины сыпались с пронзительным свистом, он нарастал, становился объемным, вцеплялся в барабанные перепонки — и каждый раз казалось, что летит прямо в тебя.

Снова ухнуло где-то напротив, ясно давая понять, что две мины в одной воронке — это нормально. За воротник посыпалась земля —

вместе с муравьями и прочими представителями местной фауны.

Над позициями 845-го стрелкового полка разносилась площадная ругань. Неподалеку скорчился ефрейтор Серега Герасимов, зажал уши и вычурно выражался. За ним спиной к накату сидел красноармеец Шлыков и щепотью рассыпал махорку в бумажный лист. Руки не дрожали, но лицо было бледным, и жилка на виске становилась предельно выпуклой. Шлыков воевал с первого дня, повидал всякого и теперь был единственным человеком в этой траншее, кто сохранял спокойствие.

— Совсем распоясались, черти... — прохрипел с другой стороны окопа красноармеец Мостовой. Он выплевывал землю. Зачем, спрашивается, рот разевал?

Обстрел не прекращался, немецкая артиллерия вела огонь по площадям, отчего урон был незначительный. Но как же это доканывало! Где-то справа посыпалась земля, обвалился накат, красноармейцы, грязные, как черти, выбирались из-под завала. Главное — живы. А остальное — пусть не слюбится, но хотя бы стерпится. Дрогнула земля, комья глины хлестали, как пули. Один комок отскочил от стенки, выбил у Шлыкова папиросную бумагу с махоркой. Табак рассыпался по коленям. Боец растерянно посмотрел на пустую ладонь и стал устрашающе белым. Тут уж никакой не-

возмутимости не хватит! Шлыков расшвырял, вскочил, прижался грудью к брустверу и стал опустошать обойму карабина Мосина. После каждого выстрела он передергивал затвор и припадал к прицелу.

— В кого стреляешь, Петр Анисимович? — прокричал Герасимов.

— Тебе какая разница? В кого надо, в того и стреляем!

Обойма, по счастью, оказалась не резиновой. Закончив стрельбу, Шлыков успокоился, сполз обратно и стал отряхивать от земли кисет, содержимое которого большей частью не пострадало.

Петр Шлыков был старшим по возрасту в разведывательном взводе (при этом самым низкорослым), обладал завидной выдержкой, но в случае переизбытка чувств мог и вспылить. Впрочем, благоразумие бойцу изменяло редко.

Противник сегодня действительно разошелся. Но интенсивность обстрела уже ослабла.

Позиции полка заволокло тяжелым дымом. Глеб осторожно приподнялся. Скрюченная поза организму не нравилась. В груди перехватило — старые раны давали знать. Возникло сильное желание вытянуть ноги и в ближайшие часы не шевелиться. Но он справился с позывами, привстал над бруствером. Юморная мысль: да, доказано, что мина дважды в одну воронку все-таки падает. Но делает ли она это трижды?

— Товарищ лейтенант, вы бы не высовывались, — крикнул расположившийся за Мостовым красноармеец Друбич. — Вы же не Змей Горыныч, вторая голова не вырастет!

— Разговорчики в строю... — прорычал Шубин.

Траншея извивалась с запада на восток. Противник в данный момент находился на севере. День выдался ветреным, дым развеивался. Снаряды ложились правее — немцы били в необитаемый березняк, с чего-то решив, что именно там сконцентрированы основные силы полка.

К северу от рубежа метров на четыреста тянулось поле, усеянное белыми шарами одуванчиков, дальше — клочковатая растительность: перелески, группы кустарников, лесистые холмы, облюбованные неприятельскими наблюдателями. Передний край противника был тщательно укреплен. Там, где не хватило мин, немцы натянули изгороди из колючей проволоки, а напротив расположили пулеметные гнезда.

Оборона 845-го полка была эшелонирована. Три линии траншей соединялись ходами сообщений. Блиндажи, землянки, выносные окопы и пулеметные ячейки. За спиной, в леске — вкопанная в землю батарея 45-миллиметровых орудий, еще дальше, в овраге — штаб полка, там же обустроились связисты и са-

перы. На проселочных дорогах стояли замаскированные полуторки.

Взвод разведчиков обитал во второй траншее и даже имел свой блиндаж, которым пользовался редко. На природе было лучше, а при точном попадании блиндажу ничто не мешало стать братской могилой.

Красноармейцы сгрудились в траншее, никто не вставал. Что-то беззвучно шептал здоровяк Антомонов. Украдкой перекрестился красноармеец Кравчик из украинского Мелитополя, смутился, встретившись взглядом с командиром. Поведение допустимое, в окопах не бывает атеистов. Справа образовалась возня, ругались разведчики.

— Багдыров, ты чего, как кошка, под ногами путаешься? — недовольно проворчал светловолосый Бурмин.

— Сильно занят, да? — огрызнулся узбек Багдыров, протискиваясь к командиру. Прижался к накату, стал жаловаться: — Товарищ лейтенант, вот скажите им, какого рожна они стреляют? Чего добиться хотят? Нас позлить? Так мы и так злые, готовы убивать их голыми руками...

Уроженец солнечной республики был невысоким, темноволосым, тонким и жилистым, как стебелек тростника. По-русски частил практически без акцента, имел раскосые, но большие глаза и постоянно улыбался. Он и сейчас это де-

лал, только улыбка была хищной и вряд ли являлась признаком доброго расположения духа.

Прямо по курсу, в районе первой траншеи, взорвалась мина. Там кричали красноармейцы, падали бревна. Кого-то ранило, он заорал благим матом. Из хода сообщения вынырнул санинструктор Петровский с красными от недосыпания глазами, устремился к пострадавшему.

Обстрел оборвался, стало подозрительно тихо. Шубин прочистил ухо. Словно пузырь лопнул — мир наполнился органной музыкой, перемежаемой тревожным набатом. Пришлось ударить ладонью по виску, чтобы все переключилось.

— Багдыров, это по твоим заявкам! — засмеялся Бурмин. — Услышали фрицы твои молитвы, обращенные к Аллаху!

— Вот только Аллаха не надо трогать, он тут вообще ни при чем! — выкрикнул Багдыров и обратил перекошенное лицо к командиру: — Все кончилось, товарищ лейтенант? Теперь наша очередь? Обменяемся любезностями?

Но батарея молчала. И в дальнем логу, где размещалась единственная в полку минометная рота, тоже было тихо. Снарядов не хватит отвечать на все эти дерзости. Боеприпасы в полку были на вес золота, их давно не подвозили. У расчетов оставалось по ящику бронебойных снарядов и немного осколочных. Командир полка полковник Рехтин уже осип, доказывая

командованию, что без регулярного подвоза боеприпасов современная война не ведется.

— Нет, мы гордо промолчим, — вздохнул Шубин. — Эй, бойцы, все целы?

Разведчики ответили вразнобой. Потерь не было. Вторую траншею снаряды миновали. Но впечатленные имелись. Красноармеец Герасимов сидел неподвижно, откинувшись спиной и подогнув ноги. Пилотка валялась под рукой, голова была измазана глиной. Под ее маской выделялись только глаза — большие и неподвижные. Герасимов не шевелился, отрешенно глядя в пространство. Он был похож на пациента психлечебницы, которому ввели обездвиживающий препарат.

— Эй, Серега, вставай, все кончилось! — потряс его за плечо Вадик Мостовой — смысленный кучерявый паренек, имеющий обыкновение носить пилотку на затылке.

Герасимов не реагировал. Товарищ забеспокоился, опустился на колени, взгляделся в глаза.

— Эй, Серега, ну ты чего? — он снова потряхнул боевого товарища. И опять Герасимов не проявил реакции, глаза опустели, смотрели в одну точку. Потом он медленно перевел взгляд на Вадика, разлепил сухие губы и выдавил:

— А ты кто?

Мостовой остолбенел, отвисла челюсть. Он тоже впадал в прострацию. Распрямлялись из-

вилины в мозгу. Герасимов меланхолично разглядывал его переносицу.

— Мужики, чего это с ним? — жалобно протянул Мостовой. — Наш Серега, кажется, того, мозгами тронулся...

Герасимов заржал. Мостовой от неожиданности сел в грязь и часто заморгал.

— Да ладно, не серчай, — с плотоядным удовольствием произнес Герасимов. — Я думал, не купишься, а ты купился!

— Вот же гад! — под хохот товарищей взвился Мостовой. — Я ему, как порядочному, помощь хотел оказать...

— Психиатрическую! — засмеялся Друбич.

Разведчики потешались, Герасимов с довольным видом утирал с физиономии грязь. Крутил пальцем у виска лишенный удовольствия покурить Шлыков. Вадим Мостовой махнул рукой и тоже стал посмеиваться. Красноармейцы оправлялись, чистили одежду, глухо выражаясь в адрес одуревших фашистов. Антомонов и Брянцев подняли отвалившееся бревно, хотели пристроить его на место, но оно не держалось. «Молотки найдите, черти, — беззлобно ворчал под нос Багдыров, — само к столбу не прибьется».

По ходам сообщений уже сновали представители среднего комсостава с возбужденными лицами. «Эй, народ, кто видел мою фуражку?» — крутился вокруг себя старший по-

литрук Качков из первого батальона. Спешил со стороны оврага, припадая на подвернутую ногу, полковой комиссар Антипин, цепким (и единственным) глазом озирая пережившие артналет позиции.

— Командирам доложить о потерях!

Потери, к сожалению, были. Несколько бойцов получили осколочные ранения, их ходами сообщения выносили в тыл. Двое передвигались самостоятельно, зажимая раны.

Возобновлять обстрел фашисты не спешили — склады с боеприпасами тоже не резиновые. Красноармейцы восстанавливали поврежденные блиндажи, застучали топоры и молотки. Вычищали траншеи. Кто-то пошутил про баню. Но шутку не поддержали — процесс помывки в последнюю неделю превращался во что-то мифическое. Про стирку и смену нательного белья даже не заикались. Снова началось тоскливое времяпровождение. Разведка в этот час командованию не требовалась.

Во второй половине августа отчаянные бои уже шли на территории РСФСР. 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана уверенно наступала на Москву. За спиной у немцев остался Смоленск, многие районы Псковской и Калининской областей. Красная армия продолжала пятиться. Части РККА были разобщены, но дрались отчаянно, даже оказавшись в окружении.

19 июля 10-я танковая дивизия вермахта вырвалась на оперативный простор, захватила Ельню — небольшой городок в Смоленской области — и двинулась на Спасс-Деменск. Однако была остановлена упорным сопротивлением обороняющихся частей и перешла к обороне. На линии фронта образовался Ельнинский выступ, глубоко вдающийся в советскую оборону. Он создавал серьезную угрозу на вяземском направлении.

В конце июля — начале августа соединения 24-й армии несколько раз пытались срезать этот выступ и выровнять фронт, но потерпели неудачу. Бои в районе выступа принимали затяжной характер — ни одной из сторон не удавалось добиться перелома. Наносились локальные удары, линия фронта незначительно смещалась, но общий смысл конфигурации не менялся.

21 августа, после провала очередной попытки ликвидировать плацдарм, командующий Резервным фронтом генерал армии Жуков дал указание командованию 24-й армии прекратить атаки и приступить к подготовке более основательного удара.

Немцы не спешили в наступление, наращивали силы на московском направлении. Советское командование тоже без дела не сидело. Напротив выступа создавалась мощная артиллерийская группировка. 303-я стрелковая дивизия, в которую входила часть полковника Рехтина, за-

нимала позиции у южного основания горловины выступа. По замыслу предусматривался прорыв обороны встречными ударами с севера и юга, развитие наступления и окружение противника в Ельнинском котле. Операция готовилась в обстановке секретности, подтягивались резервы. Начало боевых действий планировалось на конец августа, а уже через три-четыре дня предполагалось их окончание, а следом — решительное наступление всех армий на запад.

Сегодня было 24 августа, линия фронта фактически не менялась, стороны обменивались «любезностями» в духе завершившегося артобстрела...

На позициях снова установилось затишье. Артобстрел мог означать что угодно — от простейшего «ничего» до назревающей попытки перейти в наступление. Представители комсостава передавали приказ: никому не расслабляться, готовиться к бою.

Но никаких безумных авантюр сегодня немцы не предпринимали. Лейтенант Шубин пристроился на земляной ступени, достал смятое письмо, расправил. Снова знакомый образ вставал перед глазами, сердце теплело. Он читал очень медленно, некоторые предложения — дважды. Так не хотелось, чтобы письмо кончалось! Строчки, написанные убористым почерком, проплывали перед глазами, образ Лиды Разиной превращался в живого человека. Она

смотрела с грустинкой, как-то растерянно, теребила обмусоленный воротник медицинского халата...

Несколько недель назад Лида Разина переквалифицировалась из детского воспитателя в медсестру — благо давнее образование позволяло это сделать. Сейчас она работала в Вязьме, где районную больницу № 2 переоборудовали в воинский госпиталь. Именно туда свозили тяжелораненых.

В каждой строчке сквозила усталость. У нее все было в порядке, жива, здорова. Но госпиталь переполнен, персонала не хватало, привлекали гражданских специалистов — и все равно не хватало. Недостаток мест, лекарств, перевязочных материалов, постоянно перед глазами человеческие страдания, окровавленные внутренности, смерть. Летальных исходов очень много — с легкими ранениями в такую даль не доставляли. И это при том, что активные боевые действия пока не велись. Что же будет, когда опять начнется мясорубка? Но она не жалела, что оставила детей и пошла работать по специальности. Всем сейчас трудно. А у нее, если вдуматься, не хуже многих. В Вязьме мирная жизнь — пусть город и забит войсками, воздушных налетов немного (система ПВО пока работает), к ней хорошо относятся, по ходу обретает новые знания, а иногда даже удается поспать...

Лида умоляла Шубина беречь себя, не лезть на рожон и при каждой возможности отвечать на ее письма. Да, она понимала, что на фронте времени в обрез, а у разведки — еще меньше, но ведь можно же черкнуть пару строк.

Почему не сделать это прямо сейчас? Но сейчас при себе не было бумаги, карандаша и возможности. Он обязательно ответит. Позднее, вечером. Главное, с Лидой все в порядке, а с ним что сделается? За шестьдесят дней ничего не сделалось, а теперь и подавно. Смерть обходила стороной, гибли другие. Иногда особа с косой касалась его холодным своим дыханием, даже обнимала, прижимала к груди...

Тот рейд по тылам противника прочно впечатался в память лейтенанта. Выявление участка для переправы через Днепр, больше часа восьмером сдерживали подавляющие силы противника у понтонного моста — ждали, пока подойдут обещанные советские части. Отвоевали без потерь — просто чудо!

Благодаря разведке прибывшим вскоре войскам удалось отбить у немцев Соловьевскую переправу, и все, кто оказался в окружении под Смоленском, ринулись в эту лазейку — две армии, многие тысячи гражданских...

Обратная дорога оказалась сложнее. Мальчишки и девчонки в подвале ключинского дома на оккупированной территории, две подавленные воспитательницы. Не бросать же этих

беспомощных человечков на произвол судьбы? Разведчики гибли один за другим, выводя детдомовцев. Убили воспитательницу Катю Литвиненко. Сам Шубин едва не пал в последнем бою — откопали без сознания, с тремя пулями в теле, по внешнему виду — вылитый труп. Спасибо Паше Карякину, единственному выжившему из отряда, — если бы не он, давно бы сгнил в канаве.

Очнулся в госпитале, рядом Паша и Лида, больше никого, кроме призрака врача со стетоскопом. Всех детей спасли ценой жизни семи разведчиков... Два дня он плавал в забвении между тем и этим светом, понемногу приходил в себя.

Детей отправили в эвакуацию, Лида осталась, взяли медсестрой. Она не отходила от раненого, чуть минутка — сразу бежала к своему лейтенанту. «Чем он так привязал к себе эту красотку? — недоумевала палата. — Лейтенант как лейтенант. Ладно бы, если капитан или майор».

Не уследила медсестра, поднялся на четвертый день, хотел пройтись — не валяться же трупом, когда страна делом занята! «Лейтенант, не глупи, добром не кончится», — предупредил его лежащий напротив капитан-артиллерист. Но куда там! Каждый считает, что вокруг одни дураки и только он не в счет. Ноги перепутал с руками, голову — со стальной дужкой кровати, о которую треснулся. Прибежали са-

нитары, разгневанная Лида, вернули, как было. А Лида впоследствии прочла лекцию для особо недалеких — что такое хорошо, а что такое плохо. Самое отвратительное, по ее мнению, — не слушаться людей в белых халатах.

Урок не пошел впрок — через день вторая попытка, на этот раз упал так, что швы разошлись. Лида сокрушалась: был бы карцер, обязательно бы изолировала. Майор медицинской службы обещал отдать под трибунал. Глеб же искренне недоумевал: нет такого положения в уставах — судить тех, кто рвется в бой! Украдкой поднимался, ходил — сперва за что-то держался, потом перестал. Съедал все, что давали, просил добавки. Рвался на свежий воздух. Любость на чердаке была умопомрачительной! На улицу не выпускали, решил схитрить, забрался на чердак — с дальнейшим прицелом на крышу. До неба не добрался — возмущенная Лида догнала его на чердаке, стала что-то втолковывать, слезы стояли в глазах.

Их тела были так близко, так мощно потянуло их друг к другу, что не устояли. Она шептала, когда он стаскивал с нее одежду: «Ты же болен, ничего не получится...» Еще чего! Все получилось. А ближе к вечеру целенаправленно отправились на чердак — еще раз. Лида стонала, льнула к нему, жадно осыпала поцелуями.

С этого дня желание бежать на фронт как-то утихло — аж стыдно стало. Впрочем, какой

из него вояка? Десять дней отлежал в палате, страшная весть облетела госпиталь: немцы прорвали фронт в двадцати верстах от города Быково, завтра будут здесь!

Пашу Карякина он больше не видел — приходил еще разок, потом пропал. Служба, что поделать. Солдат не волен над собой, а таких устройств, чтобы мгновенно передавать солдатские сообщения, в природе не существует.

Обещанной награды и повышения в звании Шубин не дождался — да особо и не ждал. Обещанного три года ждут, а не полторы недели! Госпиталь спешно эвакуировали, раненых на грузовиках свозили к железнодорожной станции, грузили в санитарный эшелон.

Лида металась, как заведенная, с почерневшим лицом. Грохотала канонада — немцы уже входили на западную окраину Быкова. В городе находились только комендантская рота и потрепанный саперный взвод, они отчаянно сопротивлялись, погибли почти все, но на полчаса задержали продвижение противника по городским улицам.

Санитарный эшелон уходил со станции, когда на перрон уже падали мины, пылало здание вокзала.

До Вязьмы, которую не собирались отдавать немцам, было три часа езды. «Мессеры» налетели в чистом поле, накинулись, как драконы на легкую добычу, хотя пилоты прекрасно

видели, кого везет состав. Трудно не заметить красные кресты на вагонах. Взрывы гремели в кюветах, сыпался щебень с полотна.

Налет был недолгим, «мессеры» спешили по своим делам. Бомба разнесла рельсовый путь позади состава, последний вагон был сильно поврежден, его охватило пламя. Машинист остановил состав, разбежались люди — кто был в состоянии. Медицинский персонал вытаскивал из вагонов тяжелораненых. Боялись, что пламя перекинется на другие вагоны.

Шубин потерял Лиду, и здоровье во время прыжка из вагона подвело так не вовремя. Расползались швы, отказывали ноги.

Вражеский самолет круто снижался, летел прямо в глаза, расправив крылья, как хищная птица. Плясали огоньки трассеров. В какой-то миг Глеб увидел лицо пилота, прищуренные глаза источали холодок.

Лейтенант пополз, перебирая ногами, схватил винтовку погибшего красноармейца, стал стрелять, лежа на спине, упирая приклад в живот. Рвал затвор, переживая ослепительную боль, давил на спусковой крючок. Царил безумный ад, стонали раненые, кто-то бежал, согнув спину, волочил по земле санитарную сумку, а потом споткнулся, покатился в кювет, орошая щебень кровью.

Пули крупного калибра хлестали по вагону. Казалось, штурмовик протаранит его, но у са-

мой земли круто взял вверх, показав грязно-серое брюхо. Самолеты улетели, выполнив свою черную работу.

Лида в этом ужасе не пострадала. Когда Глеб добрел до нее, она сидела в междупутье, совершенно обессиленная, растирала слезы грязными кулачками. Санитары и медсестры собирали людей, выжившая охрана отцепила горящий вагон. Пламя перекинулось на соседний, но там его сбили брезентом. В сгоревшем вагоне никто не выжил, только несколько человек успели выпрыгнуть, прежде чем он превратился в пылающую западню. Люди пытались туда проникнуть, но каждый раз отступали с горящими пятками. В вагоне истошно кричали умирающие.

Шубин самостоятельно добрался до своей «плацкарты», где и лишился чувств. Санитарный эшелон с потерями все-таки дошел до Вязьмы. Раненых разместили в одной из городских больниц. В этот день лейтенант и дал себе слово, что через неделю выйдет и отправится на фронт.

Вести с полей сражений поступали неутешительные. За сдержанными сводками о боях «с переманным успехом», о массовом героизме советских солдат, успешно сдерживающих наступление фашистов, сквозили отчаяние и безнадега. Между строк читалось: все пропало, немцы идут!

Лида снова приходила к нему, когда выдавалась минутка, сидели рядышком, он держал ее за руку. Долечиться людям не давали. Мо-

жешь стоять, способен держать оружие — марш в окопы. Потери на линии фронта были ужасающие, там радовались любому пополнению.

Лечащий врач долго разглядывал пациента в пижаме, вздыхал. Он все прекрасно понимал — видел, сколько усилий прикладывает человек, чтобы выглядеть излечившимся. Потом еще раз сокрушенно вздохнул и проштамповал соответствующую бумагу. Люди требовались как воздух, и в любом случае на фронте долго не жили.

Прощание с Лидой получилось скомканным — она прилипла, как пиявка, умоляла беречь себя (как будто он был против), Шубин бормотал дежурные слова, уверял, что к зиме война закончится, они поженятся и нарожают кучу детишек. А сам украдкой поглядывал на часы — на улице его дожидался побитый шрапнелью «козлик» с такими же «излечившимися» лейтенантами...

На московском направлении было спокойно. 24-я армия обложила Ельнинский выступ, предпринимала вялые попытки его срезать. Восточнее Вязьмы, у Можайска, возводилась линия обороны. Подходили наспех сформированные, едва обученные части — в основном из ополченцев.

Закупорить горловину выступа советские войска не могли. Немцы нарастили мощную артиллерийскую группировку, любые попытки

перейти в контрнаступление встречали отпор. Сведений о том, что происходит внутри выступа, у генералов не было.

Зондеркоманды СС зачищали деревни, расположенные вблизи коммуникаций вермахта, работали на возведении военных объектов пленные красноармейцы.

Данные о количественном и качественном составе вражеской группировки имели приблизительный характер. Подразделения 845-го полка вели позиционные бои. Подкреплений не было. Погибших хоронили в окрестных лесах, бывало, что и в братских могилах. Люди гибли при проведении разведки боем, от снайперских пуль, подрывались на минах, которыми было напичкано все обозримое пространство.

— Наслышан о твоих подвигах, лейтенант, — встретил новоприбывшего комполка Рехтин — измотанный бессонницей жилистый мужчина с черным от загара лицом (загорали этим летом не на море). — Слухи разносятся, знаешь ли. И о том, как переправу в Ратниково с горсткой людей отвоевали и держались до подхода наших; и как танковую колонну выявили, которая чуть не отрезала нам Смоленскую дорогу; и как детдомовских с оккупированной территории выводили... Помолчи, что ты так напрягся? Чай, не выговор объявляю. Заботой и лаской не окружим, в полковники гвардейских войск не произведем. Спрашивать буду,

как с любого молодого лейтенанта. Принимай взвод полковой разведки — взамен погибшего старшего лейтенанта Ячменева. Слышал про эту грустную историю? Ушли в дальний рейд чуть не до самого Кировска, добыли ценные сведения, но рацию потеряли, данные не донесли. Ждали ребят, чуть козловую дорожку не расстелили. Немцы в километре от наших минных полей засаду им устроили, всю группу положили. Отправили людей, чтобы вытащить хоть кого-то, принесли Ячменева и еще одного бойца. А толку? Ни слова не сказали, скончались на операционном столе, не приходя в сознание. Жалко, конечно. И людей жалко, и то, что ценные сведения с собой в могилу унесли... Во взводе шесть человек осталось и сержант Белый. Наберешь людей, положишь капитану Муромцеву — это помощник начальника штаба по разведке. С ним и работай, он владеет всей оперативной обстановкой...

По прибытии в расположение обнаружился еще один печальный факт: сержант Белый и рядовой Хабибуллин погибли при артобстреле, и то, что осталось от взвода, язык бы не повернулся назвать боеспособной единицей. Пришлось формировать подразделение заново.

— Бери, кого хочешь, — сказал капитан Муромцев — смертельно уставший человек с опухшим от недосыпания лицом. — Пройдись по оставшимся подразделениям, присмотришься к людям. Толковые парни есть и у сапе-

ров, и у артиллеристов. Много не бери, пожалей командиров — у них тоже бойцов с гулькинос осталось. Воевать нечем, успехов ноль, похвастаться можем только потерями. В полку четыреста штыков, а прикрывать приходится участок шириной в четыре километра. Твои предшественники пытались добыть толкового языка — и как проклятье какое. Трижды сидели в засаде — никого, хоть бы один завалящий офицер нос высунул. Неурожай, одним словом. Пригнали перепуганного фельдфебеля — техника-радииста. Мужик в годах, как на фронте оказался, вообще загадка. За что его? Чуть от страха не помер, рассказал все, что знал. Только что выдающегося может знать фельдфебель? Мы и без него это знали. Бойцам аж неловко было, когда его к стенке ставили, стрелять не хотели, особиста Шмарова пригласили — тому без разницы. Негде нам пленных содержать, санаториев для них пока не построили... Потом под Кировск ушли, а что в итоге приключилось, ты уже знаешь... Что морщишься, лейтенант?

— Старые раны, товарищ капитан.

— Старые раны — это хорошо, — хмыкнул Муромцев. — Вернее, ничего хорошего, но все лучше, чем новые. В общем, действуй, подбери себе, кого считаешь нужным.

Желающих пойти в разведку было хоть отбавляй. Считалось, что разведчики живут дольше, едят сытнее, отдыхают чаще. И прино-

сят куда больше пользы, чем рядовое «пушечное мясо». Кое-что в этих домыслах было верным, другое являлось заблуждением. У каждого на войне был свой собственный ад.

«Старые раны» остро реагировали на погоду и плохое настроение. Погода часто менялась, а настроение — никогда. Исключение составляли те моменты, когда почтальон приносил письмо из Вязьмы. Глеб хватал его, убежал подальше, быстро пробежал глазами — не случилось ли чего плохого, а когда убеждался, что все в порядке, начинал читать заново — с чувством, с расстановкой. А потом впадал в прострацию, щемило сердце, пропадал аппетит. Имелось мнение, что без любви нельзя, жизнь не в радость, а он убеждался в обратном — хуже нет, когда любишь. А выбравшись из ступора, истекал желчью, крысился на всех, напевал под нос: «Разлука ты, разлука, чужая сторона, ничто нас не разлучит, лишь мать сыра земля...»

— Постарался, молодец, — оценил капитан Муромцев, осмотрев выстроенное за логом войско. Две шеренги, в каждой по пятнадцать человек. — Ты в снабжении до войны не работал? Прекрасно разбираешься в специфике: проси больше, получишь, сколько нужно. На тебя комбаты с кулаками не бросались? Ты же их вчистую обобрал.

— Ничего, не обеднеют, — не смутился Глеб. — Хотя одно подразделение в полку будет

полностью укомплектовано и сможет выполнять поставленные задачи. Иметь меньше людей не вижу смысла.

— Тем более это ненадолго, гм... — пробормотал Муромцев. — Усушка, утряска, все такое... Вижу, ты по всем сусекам поскреб. Хорошо, внешний вид у некоторых вызывает сомнения, но, думаю, ты знаешь, что делаешь. Не буду лезть в твою кухню. Проинструктируй бойцов, посмотрите, что осталось на складе от маскировочного обмундирования. Каждый день тренировки, рукопашный бой, умение маскироваться и двигаться бесшумно. Нам нужны выносливые, мыслящие и мгновенно ориентирующиеся в любой обстановке бойцы. Кого отсеешь — возражать не буду. Через час ко мне, будем работать с картой.

Некоторые из «лучших» действительно выглядели странно. Рослый и вроде бы нескладный Антомонов — бывший слесарь с Уральского тракторного завода. Имел бронь, но в первые дни записался добровольцем и поехал в действующую армию, поскольку имел опыт срочной воинской службы.

Внешне изнеженный, хотя и ладно сложенный Вадим Мостовой — интеллигентность в физиономию вросла, как клеймо в лоб каторжника. Учился в институте водного транспорта, взяли в армию с четвертого курса — после службы планировал доучиться. Только служба завершалась осенью 41-го, и возникли

крупные сомнения, что в этом году Вадим сможет продолжить учебу.

Улыбался несерьезной улыбкой невысокий узбек Багдыров — а глаза были умные, внимательные. Пусть тонкий, как прут, — явно из тех, что не гнутся на ветру. Глеб хотел пройти мимо, но задержался.

— Красноармеец Багдыров, товарищ лейтенант...

— Давно в действующей армии?

— Ну, как началось... В Западной Белоруссии наш полк стоял, восточнее Бреста... Нас сразу к Бугу выдвинули, когда в крепости бои начались, но немецкие танки откуда ни возьмись — приказали отступать. Мы в крепость рвались, там такая заваруха была...

Времени для шепетильного отбора не было, проверять в деле тоже некогда. Визуальный осмотр, этапы боевого пути, выслушать отзывы товарищей — а потом внимать голосу интуиции, которая ошибалась редко.

— Имя есть, товарищ красноармеец?

— Рахат, товарищ лейтенант...

— Отчество — не Лукумович? — машинально вырвалось. Заулыбались стоящие в шеренге красноармейцы.

— Нет, товарищ лейтенант, — Багдыров и ухом не повел. — Все об этом спрашивают. Не Лукумович. Нет у нас такого отчества.

— Извини. Кем работал на гражданке?

— Совхоз у нас под Ташкентом, товарищ лейтенант, большое такое хозяйство, бахчевые поля, несколько машинно-тракторных станций. А я в милиции служил по охране предприятия — по договору с администрацией нашего народно-хозяйственного объекта. Имею грамоты, благодарности...

— Спортом занимался?

— Так точно... — Багдыров уже не улыбался — скалился. — В футбол играли. А еще альпинизмом увлекался, зимними лыжами — у нас же горы Чимган недалеко от Ташкента, всего каких-то восемьдесят километров...

Интуиция, как правило, не подводила. Отобранным людям он настойчиво внушал: сладко не будет, не верьте болтовне, умирать будете с той же частотой, что и остальные смертные. Последняя возможность отказаться. Есть желающие вернуться в свои подразделения? Тогда не пишите!

Весь день до поздней ночи он гонял свой взвод до полного изнеможения. Кросс по болотам и кустарникам, отработка навыков рукопашного боя, снова кросс — теперь в темное время суток. Красноармеец Сурков растянул лодыжку — автоматически выбыл из разведки.

Полк подвергался систематическим обстрелам. Батарея противника была мобильной — работала из-за холмов, постоянно меняя место дислокации.

Первое испытание прошло успешно. Выдвинулись вшестером, Глеб не отказал себе в удовольствии возглавить группу. Ползли в предрассветной дымке — вместе с сапером, знающим карту минных полей. По одному уходили с тропы в заросшую лопухами балку. К сожалению, сведений о немецких минных полях разведчики не имели. Пришлось погружаться в болото, выверять каждый шаг. На опасных участках мостили гать — набрасывали толстые стебли, ветки деревьев. Потеряли уйму времени, но что-то подсказывало, что оно того стоило, — тропинка еще пригодится. Так и вышло.

Фронт в районе не смещался третью неделю. Притворяться здоровым удавалось со скрипом. Донимала глухая боль под грудной клеткой, было трудно дышать, ходить, тем более бегать. Подчиненные это видели, подстраивались под командира.

За болотом тянулись немецкие расположения. Бдительность фашистам следовало бы усилить. Они шатались по деревням в рассупоненном виде, что-то готовили, гоняли местных девок.

Шубин уже знал, что лучше всего идти на дело перед рассветом или после обеда — точно никто не заметит, куриная слепота овладевает массами.

Батарей обнаружили в покатой балке с бархатной травкой — и даже стали очевидцами ее разрушительной работы. Здесь же стояли тя-

гачи, до взвода пехоты. Атаковать эту братию стало бы полным безумием.

Разведчики лежали в укрытиях, со злостью смотрели, как артиллеристы упоенно изводят боезапас по ранее выявленным целям. Но командир приказал помалкивать. Едва закончился обстрел, подкатили тягачи, защелкнулись на лафетах замки сцепок, и батарея отправилась на восток, за холмы. Пришлось побегать и поползать, чтобы выяснить ее новое месторасположение.

Орудия прибыли к опушке светлого бора, артиллеристы позволили себе отдохнуть, забрались в дикую малину, стали рвать переспелые ягоды.

Разведчики отступили за холм, включили рацию, которую Виталий Антомонов волок на своих широких плечах. Огонь корректировался в зоне прямой видимости. Полковая батарея накрыла квадрат, выпустила не меньше двадцати снарядов. Волна огня накрыла опушку.

«Восточнее! — орал в рацию Антомонов. — Три градуса правее! Вы куда лупите, идиоты?!» Артиллеристы послушно перенесли огонь, и немецкие канониры потеряли последний шанс вывести батарею из-под огня. Орудия 76-го калибра превращались в груды металлолома. Горели тягачи-вездеходы. Части солдат удалось сбежать, но большинство полегло на опушке.

«Молодцы! — восторженно кричал в рацию Антомонов. — В самую тютельку!» «Ухо-

дим, братцы, кино окончено, — поторапливал Глеб, — не будем рисковать, а то набегут сейчас!» — «Какой дорогой уходим, товарищ лейтенант? — кричал Багдыров, прочищая пальцем ухо. — Тем же болотом?» — «Ага, по синусоиде», — веселился Мостовой.

Нечисти действительно прибыло. Рота вермахта пошла облавой. Но разведчики проскочили опасное место и скрылись в болотистой низине. Немцы сбились со следа. Группа вернулась в полном составе, выполнив задание. «Молодцы», — похвалил капитан Муромцев, выслушал нестройное «Служим Советскому Союзу!» и подарил отличившимся шесть часов ничем не испорченного сна.

Батарею уничтожили. Через день немцы подтянули пару других, и обстрелы возобновились. Район теперь охраняли бдительно, с собаками, пробраться в нужный квадрат становилось проблемой.

Изредка немцам отвечала наша полковая артиллерия, но приходилось экономить снаряды. Штаб дивизии требовал «языка» — невозможно что-то планировать, не зная сил и средств противника. Приказ спустили командиру полка, полковник Рехтин вызвал Муромцева, последний — лейтенанта Шубина.

— Делай что хочешь, лейтенант, можешь переселиться на ту сторону, разбить палатку, к немцам ежечасно заходить на огонек. Но

«язык» необходим. Без него мы в потемках, понимаешь? Не самим же ходить по немецким тылам, выяснять номера частей, считать солдат, единицы бронетехники и так далее. Понимаем, что трудно, но у вас хотя бы тропинка через болото протоптана. В соседних полках и того нет. У майора Рябова вчера погибла группа разведки — нарвались на засаду. У полковника Шабалина половина взвода пошла — добрались до моста через Бузовку, там их засекли, приняли бой. Лейтенант Успенский доложил по рации, что дело — труба, оплошали, выдали себя с головой, а теперь он остался один, жить страсть как хочется, но в плен не пойдет — в общем, прощайте, товарищи. Сами допустили ошибку и своей же смертью испутили...

Восемь человек переправились через минные поля и двое суток лежали в засаде у дороги, карауля штабную машину! Но дураки у немцев кончились, офицеров всегда сопровождал конвой с пулеметами. Деревни охранялись усиленными постами с собаками. Нарваться — будет погоня, а меньше всего хотелось рассекретить свою тропу через болото. Это был небольшой, но козырь.

Группа вернулась с пустыми руками. Стояли перед капитаном Муромцевым с поникшими головами, а тот подвергал своих людей разрушительной критике. Но понимал в душе, что сделано все возможное, просто «клева» в эти дни не было...

С тех пор прошло два дня. Артобстрел закончился, больше не стреляли.

Глеб закурил, повторно прочитал письмо от Лиды, аккуратно убрал его в конверт, перегнул пополам.

— Лейтенант Шубин, к капитану Муромцеву! — гаркнул голосистый боец из третьей линии окопов. Глеб невольно вздрогнул. Слишком далеко оказались мысли, чтобы без задержки вернуться в строй...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Помощник начштаба по разведке в этот день не был оригинален. Вражеская мина рванула неподалеку, и капитан Муромцев стал вдруг каким-то дерганным, поглядывал на небо, по которому, словно верблюды в пустыне, плыли горбатые облака.

— Не скажу ничего нового, лейтенант. Нужен «язык». Собирай людей и дуй на вражескую территорию. Объясни, зачем мне разведка, если от нее меньше пользы, чем от полковой хлебопечки? Чем особенным вы отличились в последнее время? Что потупился, лейтенант? Не знаешь, как быть? У нас сегодня день безысходности?

Возразить было нечего. Заколело в подвздошной области — правильная реакция на правильные слова. Похвастаться полковая раз-

ведка могла лишь уничтоженной немецкой батареей, которая стала своеобразным Змеем Горынычем, — вместо отрубленной головы выросли две, и возникал резонный вопрос: а нужно ли было это делать?

Помощник начштаба по разведке смерил подчиненного неодобрительным взглядом.

— Что-то намечается, товарищ капитан?

— Ты удивительно наблюдателен, лейтенант. Особенно в тех областях, где не надо. Да, через считанные дни наши войска перейдут в наступление и снесут к чертовой матери этот надоевший выступ. Поступила директива по частям и подразделениям быть готовыми в любой день. Наш полк действует на ответственном участке — здесь горловина, которую надо перекрыть. Возможно, нам придадут танки, они сейчас разгружаются на станции в Даниловке. Но как прикажешь действовать нашим войскам, если мы не знаем, против кого воюем? Какие войска, где стоят, чем обеспечены, насколько эшелонирована немецкая оборона? Сведения отсутствуют или носят противоречивый характер. В духе «одна баба сказала», понимаешь? На нашем направлении из леса выходят три проселочные дороги, они вполне пригодны, чтобы подтянуть войска. Немцы их контролируют, видимо собираются использовать. Козырь один — ваша тропа через болото. Она находится западнее этих дорог, и понятно, что вблизи болотистой местности немцы

силы наращивать не будут, в этом нет смысла. Но заслоны и резервы могут быть. Ждать вечера — долго, выступаете через час. Карта минных полей с позавчерашнего дня не обновлялась — нам не поступали никакие циркуляры.

— Здесь пройдем, товарищ капитан, — кивнул Шубин. — Между дубравой и рекой Ильинкой постоянно дежурят мои люди с биноклями. Немецких наблюдателей на той стороне нет. Разрешите выполнять, товарищ капитан?

— Выполняй, лейтенант. Без добычи не возвращаться — это тебе не угроза, а мой добрый совет. Нервы у начальства на кулак намотаны, если сорвется, последствиям задний ход не дашь...

Шестеро стояли навытяжку, во всей амуниции — защитные комбинезоны с капюшонами, вещмешки, притянутые к туловищу дополнительными лямками. К поясам немецкими допниками крепились скатанные плащ-палатки, призванные обеспечить дополнительную маскировку. У каждого — пока редкие в действующей армии пистолеты-пулеметы Шпагина, «ТТ», ножи, по паре гранат.

Шубин внимательно разглядывал отобранных бойцов. Придаться не к чему. Командир был обязан знать своих людей, их биографии, способности, личные качества — и на это ориентироваться при постановке задачи. Это по уставу.

В реальной жизни все было сложнее. Люди гибли, получали ранения — не успеешь привыкнуть, а бойца уже нет. И снова надо присматриваться, делать зарубки...

Разведчики молчали, опасливо косились на командира. Даже Багдыров не улыбался. Настоятельно поглядывал красноармеец Вожаков — внушительный, плечистый, родом из Саратова, где на заводе сельскохозяйственных машин возглавлял комсомольскую ячейку и приобщал подрастающую смену к борьбе и боксу. Переминался с ноги на ногу светловолосый Саша Бурмин — бывший тракторист и победитель социалистических соревнований — человек невозмутимый и малотребовательный. Смотрел честными глазами Вадик Мостовой — паренек интеллигентный, склонный к фантазиям, которые иногда давали положительный эффект. Понятие «вшивая интеллигенция» к нему не относилось — в противном случае он бы здесь не оказался. Выжидающе смотрел Сергей Герасимов — парень умный, ироничный, любитель скрывать свои мысли за загадочными ухмылками. До войны он учился в техникуме связи, вроде бы окончил, устроился специалистом на телефонную станцию — в этот момент военкомат и вспомнил, что Серега еще не служил. А как отдал полтора года на благо Отечества, разразилась война, и мысли о гражданской жизни приняли иллюзорный характер...

— Опять за «языком», товарищ лейтенант? — деловито осведомился Шлыков. Будучи самым низкорослым, он всегда стоял на левом фланге, что неизменно вызывало шутки про «хату с краю».

— Опять за «языком», Петр Анисимович. Что нам стоит, верно? Сколько их уже взяли — и майоров, и полковников, и даже целого генерала от инфантерии. Каждый день берем — надоело уже. Не помните, Петр Анисимович? Вот и я не помню. Скоро взвод расформируют, вас отправят в пехоту, а меня под трибунал.

— Ну, вы скажете, товарищ лейтенант, — насупился Вожаков. — Нам просто не везло пока...

— Мы воюем по везенью? — оборвал Шубин. — Или все же упорством, волей и целеустремленностью? Ты же комсомольский вожак, Вожаков. Нестораживает, что мы неделю бьемся лбом в закрытые ворота?

— Приказали взять сухой паек, товарищ лейтенант, — негромко заметил Герасимов, — вроде поели уже. Значит, не на час идем?

— Идем, пока не выполним задачу. Понадобятся сутки или двое — значит, так тому и быть. Но если, находясь во вражеском тылу, мы станем свидетелями нашего наступления, которое начнется без должного разведывательного обеспечения... — Шубин сделал выразительную паузу.

— То вы нам покажете кузькину мать, — предположил Мостовой.

— Нам всем покажут кузькину мать. Ладно, это было лирическое вступление. Рацию не брать — в ней нет необходимости. Приказываю: скрытно выдвинуться через болото и заняться активным поиском. Углубляемся как можно дальше. Вопросы есть?

— Вопросов нет, товарищ лейтенант, — заулыбался Багдыров, — не в первый раз идем. Чем дальше в лес, тем больше дров... в смысле, немецких офицеров.

— Ты стал любителем русских поговорок? — нахмурился Шубин. — Выдвигаемся в колонну по одному, рот не открываем, проявляем осторожность и осмотрительность. В случае выхода на объект Шлыков, Бурмин — группа поиска, Вожаков, Герасимов... и я — группа захвата; остальные — группа прикрытия. И никак иначе, зарубите себе на носу. Действовать быстро, решительно и грамотно. Но только по приказу, это понятно? — Глеб пристально посмотрел на Мостового. Тот сделал серьезное лицо и скромно кивнул. Остальные заулыбались.

Трава на ничейной земле была по пояс — вроде и злаковые, а все же — сорняки. Ползли, закусив удила, загоняя вглубь отчаянное желание встать и побежать.

— Бурмин, ты чего свои бутсы мне в физиономию тычешь? — шипел Мостовой. — Не видишь, что я тут? Не тормози, Саня, пошевеливайся. Эх, Бурмин, Бурмин, я бы с тобой точно в разведку не пошел...

— А ты не наседай, чего ты наседаешь? — огрызался вспотевший Бурмин. — Навалился, как на бабу, стыда и совести у тебя нет, Вадим...

Разведчики сдавленно посмеивались. Через поле виднелась тропа — ходили к немцам так часто, что трава не успевала подниматься. Приближался лес, погруженный в низину. Местечко выбивалось из типичного ландшафта. Криворукие деревья произрастали густо — почерневшие, узловатые, ветвистые, но далеко не везде покрытые листвой. Болото расползлось по низине, губило растительность, отравляло воздух. Неприятный запах аммиачных испарений уже чувствовался.

Равнина оборвалась, скатились в низину. Протоптанная дорожка огибала гниющий кустарник, уходила в темень леса. Несколько шагов в чашу, и почва под ногами стала вязкой, зачавкал мох. Трясины были дальше, метров через двести, а пока можно было идти без опаски. Маленькая колонна втянулась в заболоченный лес...

К такой обстановке уже привыкли. Мрачно, рискованно — как в страшной русской сказке, — не хватало только леших с кикиморами, а ближе к трясинам — водяных. Роились

кровососы — приходилось прятать открытые части тел, защищать глаза. Низина углублялась, но ближе к ее середине деревья разомкнулись, расплзся и поредел кустарник.

Возглавлявший шествие Вожаков вооружился слегой, прощупывал каждый шаг. На то, что проверили ранее, полагаться нельзя — рельеф дна постоянно «плыл» и менялся. Заблестели «окна», стыдливо прикрытые пленкой ряски. Смотреть в ту сторону совершенно не хотелось. Тем не менее постоянно косились, и воображение рисовало неприглядные картины.

Закончился короткий отдых. Дальше каждый вооружился слегой, пошли медленно, такое предстояло вытерпеть еще как минимум минут сорок...

Солнечный день был в разгаре — три часа пополудни, — когда разведчики вышли из болота и присели на опушке за большой повалившейся осиной. Из-за леса слышался едва различимый гул — работали моторы или генераторы.

— Танковые двигатели гоняют на холостом ходу, — подсказал всезнающий Шлыков. — Техника стоит у фрицев в резерве, ждет своего часа. Здесь не пройдут, товарищ лейтенант, значит, в этом районе у них что-то вроде отстойника.

— В прошлый раз не гудело, — справедливо подметил Герасимов. — Мотоциклы носились,

патрули иногда попадались, но ничего крупнее машины связи мы не видели.

Дорога вдоль низины имела укатанный вид — ею часто пользовались. Соответствующий опыт уже имелся. По дороге курсировали патрули — чаще на мотоциклах, реже — на бронетранспортерах, имеющих открытые отсеки для пехоты. Представители командного состава немецкой армии данной дорогой не пользовались — она вела в никуда.

Послышался шум, бойцы прижались к земле — всем хватило места. Медленно, волоча за собой шлейф пыли, по дороге проследовал бронетранспортер с крестами — явно не новый, побитый шрапнелью, поеденный ржавчиной. В отсеке для десанта ехало отделение пехотинцев. Поблескивал ствол пулемета MG-34. Кузов ошетинился карабинами, мерно покачивались стальные шлемы. Солдаты увлеклись беседой — двое говорили одновременно, третий смеялся.

Боевая машина протащилась мимо, растаяла за плавным поворотом. Северный ветер отогнал смрадное облако к лесу, накрыл «пластунов». Бойцы плевались, кашляли в платочки.

— Вот ведь сволочи, — чертыхался Вожаков, — достать не могут, а все равно нагадили, словно знали, что мы здесь...

— Ничего, Вожаков, мы им отомстим, — уверил Сергей Герасимов, — всех поймаем, к выхлопной трубе привяжем, пусть знают...

Облако пыли растаяло. Стало тихо. Только в низине гудели комары, да в березняке по левую руку галдели пернатые.

Дальше пошли проторенной дорожкой — склоном лощины, погрузились в лес. Гул моторов превращался в заунывный фон. На северной опушке скопилась бронетехника. Просматривались танки Pz III, самоходные артиллерийские установки. Сновали крохотные фигурки людей. Бронетехника перемещалась с места на место, но квадрат не покидала. Глупцов там не было, немцы помнили, на что способна советская разведка, а также артиллерия, чей огонь корректируют разведчики. Танки были разбросаны по обширному пространству и в случае артобстрела могли уйти в поле.

На опушке разместился как минимум танковый батальон.

Это было соблазнительно. Интуиция подсказывала, что ловить здесь нечего, но Шубин решил задержаться. Участок, где обосновались его люди, представлял собой вереницу буераков. Дороги и водные артерии остались в стороне.

Четыре часа пополудни — еще не вечер. Глеб отправил к опушке Бурмина с Вожаковым — нечего там делать всем кагалом. Дозор убыл, а остальные погрузились в меланхолию. Нет ничего труднее — ждать, когда нельзя курить, даже шевелиться! Нервы, как струны — жизнь не вспомнишь, не помечтаешь.

Дозорные вернулись минут через двадцать, сползли в рывину, отдышались.

— Вожак пилотку потерял, — сообщил последние известия Бурмин. — Та еще тетеря.

— Я не виноват, товарищ лейтенант, — смутился бывший комсорг, — она мешалась, я ее за ремень сунул, а когда возвращались, обнаружил, что ее нет. Не возвращаться же за пилоткой... Да вы не волнуйтесь, немцы там не ходят, одни колдобины и буераки...

— Ну, все, товарищ боец, — покачал головой Мостовой, — теперь будешь до конца войны без пилотки мыкаться. И границу перейдешь без пилотки, и в Берлин войдешь без пилотки. А как ты хотел? Это, между прочим, казенное имущество, немалых денег стоит...

— Это все, что вы сделали? — нахмурился Шубин.

— Нет, конечно, — спохватился Бурмин. — Мы лежали метрах в ста от опушки, нас никто не видел. На видимом пространстве примерно полтора десятка машин. Средние танки и две самоходки. Рядом две палатки для личного состава и брезентовый навес — под ним немцы соорудили что-то вроде передвижной ремонтной базы. Половина танков неисправна, над ними колдуют механики. Есть палатка с радиостанцией — пищит, зараза. Часовые ходят, много часовых. И в лесу, наверное, есть, чтобы враг, то есть мы, с тыла не подкрались.

- Офицеры есть?
- Старше лейтенанта никого не видели... верно, Дима?
- Угу, — печально подтвердил Вожаков.
- Длинный такой жердяй, точно лейтенант. Бегаёт взад-вперед, покрикивает, на часы смотрит. Пара унтеров у него под ногами путаются, бегают, куда пошлет. Как-то сомнительно, товарищ лейтенант, стоит ли овчинка выделки?

Овчинка выделки, безусловно, не стоила. Интерес к подразделению имелся, но это не то. Пусть даже танковый батальон, но машины в ремонте, это не то формирование, что завтра ринется в бой. Можно умыкнуть офицера. Трудно, долго, но можно. Но что он знает? О своем подразделении, о парочке соседей. Общей картины комсостав подобного ранга не представляет. А допросив «языка», дальше путешествовать не удастся — будет шум, потерю обнаружат, перевернут весь район...

— Уходим, — принял решение Глеб. — И пусть радуется этот жердяй, не пробил еще его час...

Район уже знали. Звонкие березовые перелески, луга, где трава по грудь, и ничто не мешает передвигаться. Пара речушек — их можно пересечь, не замочив колени, плотные лесные массивы. К северу — деревня со странным названием Беженка.

Воинские подразделения были разбросаны по лесным массивам. Маскировались без усердия: просто стояли, разбив полевые лагеря, охраняли сами себя. Фортификаций в квадрате не наблюдалось — их заменяло протяженное болото, полностью исключаящее прорыв русских на данном участке. Дорог на севере хватало — пусть невысокого качества, но по ним могла передвигаться техника и пехота. Проселки связывали деревни и села, их плотность за Беженкой ощутимо возрастала. Километрах в пятнадцати — поселок городского типа Кировск, где размещен штаб 78-й пехотной дивизии врага — но такая даль, увы, не для полковой разведки...

Часть пути прошли вдоль опушки. Местность была изрыта, выросли заброшенные постройки сельскохозяйственного назначения. Приходилось делать вынужденные остановки — возрастала плотность неприятельских войск.

По проселочной дороге проехала колонна мотоциклистов. Навстречу из-за леса показались двухтонные грузовики «опель-блиц». Они тащили в восточном направлении зачехленные орудия. Брезентовые тенты были сняты, в кузовах покачивались солдаты в касках — казалось, все они дружно спят.

Разведчики выжидали в траве. Потом отправились дальше, наблюдали, как по полю в сторону опушки движется штабной «опель». В салоне просматривались вожаки офи-

церские фуражки. Легковушку сопровождал единственный мотоцикл с двумя членами экипажа и без пулемета.

Мурашки поползли по коже. Шубин шепотом отдал приказ: атакуем за поворотом, когда скорость будет невысокой, из пистолета — по водителю, сопровождающих выбросить из мотоцикла и ликвидировать ножами... Все приготовились, должно получиться. Посторонних в округе не было...

Но вдруг, так некстати, ползущая по полю легковушка сменила направление! Она прошла развилку, скрытую за высокой травой, и теперь направлялась совсем в другую сторону! Разведчики со злостью стали кусать губы, они видели, как в ста метрах от них следует по дуге маленькая колонна. Атаковать с такой дистанции? Это значило положить половину группы, ведь быстро не добежишь...

— Не везет нам, товарищ лейтенант, — вздыхал Шлыков. — А что мы хотели? Это место нерыбное, в третий раз сюда приходим, и опять не клюет...

Мысль устроить засаду на обратном пути в голове не утвердилась. Открытое поле — слишком рискованно. Продолжили движение вглубь захваченной противником местности. Пробежали логом между полевыми лагерями, рискуя нарваться на патруль или праздных зевак в мундирах «фельдграу».